

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ
PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 167.7
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-263-269

Поступила в редакцию 31.03.2020
Received 31.03.2020

Р. А. Смирнова

Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Аннотация. Рассматриваются понятие социальной реальности, а также проблемы, связанные с ее научным познанием. Выделяются три аспекта, смысла и значения данного понятия, с помощью которых осуществляется его экспликация. Анализируются объективные и субъективные причины, обуславливающие теоретико-методологический консерватизм социально-гуманитарных наук, выражающийся в онтологизации знания и отказе от теоретического плюрализма научных исследований. Обосновываются основные принципы изучения социальной реальности в современной социогуманитарной науке, открывающие новые перспективы познания и преобразования социального мира.

Ключевые слова: социальная реальность, предметная реальность, онтологизация знания, теоретико-методологический догматизм, научная картина социальной реальности, парадигма, стиль мышления, теоретико-методологический плюрализм

Для цитирования: Смирнова, Р. А. Социальная реальность как объект научного познания / Р. А. Смирнова // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 3. – С. 263–269. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-263-269>

Rozaliya A. Smirnova

Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

SOCIAL REALITY AS THE OBJECT OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Abstract. The concept of social reality and the problems associated with its scientific knowledge are considered. Author considers three aspects of the meaning and significance of this concept to explicate it. The article analyzes the objective and subjective reasons that determine the theoretical and methodological conservatism of social and humanitarian sciences which is expressed in the ontologization of knowledge and the rejection of theoretical pluralism of scientific research. The article substantiates the basic principles of studying social reality in modern socio-humanitarian science which open up new perspectives of knowledge and transformation of the social world.

Keywords: social reality, objective reality, ontologization of knowledge, theoretical and methodological dogmatism, scientific picture of social reality, paradigm, style of thinking, theoretical and methodological pluralism

For citation: Smirnova R. A. Social reality as the object of scientific knowledge. *Vesti Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 3, pp. 263–269. (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-263-269>

Проблема сущности и содержания понятия социальной реальности, к сожалению, сегодня не находится в фокусе внимания философов. В немногочисленных опубликованных статьях в основном акцентируется внимание на онтологии этого понятия, на том, что есть социальная реальность как объективно существующая социальная система. Очевидно, переориентация социогуманитарной мысли в трактовке понятия социальной реальности на своеобразную «натур-философию» обусловлена вполне определенными социально-мировоззренческими процессами, однако мы настаиваем на идее, высказанной и обоснованной нами ранее [1], о невозможности дать научное предметное описание социальной реальности, не учитывая ту познавательную си-

туацию, в рамках которой предлагается та или иная ее онтология. Говоря о конкретной познавательной ситуации, мы имеем в виду не только использование определенного методологического и категориального аппарата, но и все то, что объединяется сегодня понятием культурно-мировоззренческих предпосылок и практики познания в целом.

С данной точки зрения понятие «социальная реальность» отражает не только «что» (окружающую человека действительность или продукт субъективных конструкций общающихся людей), но и «как» описывается данная реальность. Благодаря такому различению в познании, с одной стороны, снижается уровень абстрактности гносеологического субъекта, с другой – усиливается значимость познающего конкретно-исторического субъекта исследования, оснащенного специфическими для каждой эпохи теоретическим и методологическим арсеналом, социальным опытом и культурно-ценностными установками. Именно это явление побуждает в социально-гуманитарных науках обращаться не столько к гносеологии, сколько к эпистемологии научного познания.

В этом плане заслуживают внимания попытки, например, историков в ходе интерпретации исторических фактов и процессов обращаться к эпистемологии, поискам парадигм, позволяющих ответить на многие вопросы. Историки обращались к социологии, психологии и, в конце концов, как отмечает российский философ Л. А. Микешина, «вышли на направление “интеллектуальной истории”, которое на Западе давно разрабатывается. Тот, кто движется в русле “интеллектуальной истории”, опирается на эпистемологию и исследует, например, так называемые “повороты”. Исходя из хайдеггеровского понимания термина “поворот”, ученые выявляют следующие типы поворотов: лингвистический, коммуникативный (обращение к историческим школам), визуальный (как выявление функции образа в историческом познании) и т. д. Появились исследователи, возглавляемые, в частности, профессором Л. П. Репиной, которые в качестве базовой для методологии приняли современную зарубежную эпистемологию» [2]. При этом ученый утверждает: «Очень серьезно разделены историки сегодня в нашей стране. Очень серьезно. Есть уважаемые “эмпирики”, работающие в традициях теории отражения и индуктивной логики, но сложилось и направление, которое получило название “интеллектуальная история”, как принято за рубежом, и по всей стране уже успешно работают различные коллективы историков и не один год, а уже лет пятнадцать-двадцать. Они как раз нуждаются в современной эпистемологии, неклассической, в ее новых понятиях, новом уровне абстракций. В связи с этим философы даже заговорили о “достоинстве науки” как формы эпистемологической и философско-методологической оценки социального и гуманитарного знания, признания их статуса самостоятельного типа науки» [2]. В результате делается вывод, что изучение социальной реальности как проблема социально-гуманитарных наук предполагает подключение проблемы ценностей, проблемы решения познавательных задач, где человек присутствует не как предельная гносеологическая абстракция, а как личность.

В связи с этим, рассматривая понятие социальной реальности, мы по существу выделяем три ее смысловых аспекта: 1) объективно существующий социальный мир; 2) социальную реальность как часть, срез объективно существующего мира, данный субъекту в практике и познании и 3) образ, картину социальной реальности как модель, являющуюся результатом (и, в свою очередь, средством) познания социальных процессов и явлений. При этом образы социальной реальности обусловлены не только социально-историческими и культурными условиями, но и различаются по степени или уровню абстрагирования: конкретно-научный, социально-философский, философский, а также уровень личностного знания. Конкретно-научные образы рассматриваются в научной литературе в виде, например, исторической реальности (А. И. Ракитов, Л. П. Репина), права как социальной реальности (А. Ю. Галкин), психологической реальности (В. П. Зинченко) и др. Социально-философский уровень описания социальной реальности представлен, в частности, в марксистской теории, феноменологической, постмодернистской и др. Философский уровень ставит акцент на структуре и генезисе социальной реальности, отвечая либо на вопросы о ее объективном существовании и, соответственно, о возможности ее познания, либо о том, что социальная реальность есть исключительно результат конструктивной деятельности сознания, снимая проблему истинности познания вообще.

Многоуровневость и социокультурная обусловленность образов социальной реальности в конкретной науке определяют в процессе исследования необходимость акцентуации предметного смысла объекта изучения, обусловленного предметной категориальной сеткой, в рамках которой осуществляется исследование, а также теми представлениями о социальной реальности, которые получены в рамках той или иной фундаментальной социально-гуманитарной теории и достигшей по уровню мировоззренческого синтеза статуса картины мира. Только учет всех этих аспектов познания позволяет ответить на вопрос: «Существуют ли реально социальные объекты, знанием о которых они являются? Существуют ли “на самом деле”, например, такие социальные феномены, как классы, роли, общество, статус и т. д.?».

Данные вопросы возникают именно потому, что до сих пор в общественном сознании имеют место наивно-натуралистические представления, в которых, собственно, нет сомнений в существовании объектов науки, а ее утверждения прямо переходят в суждения о существовании объектов социальной реальности «самих по себе». Потому необходимо подчеркнуть, что вопрос о реальности в науке (физическая, биологическая, историческая, социальная и др.) – это, прежде всего, вопрос о данности объекта в рамках познавательной системы, обусловленной социально-, культурно-, концептуально-, методологически- и категориально-оформленными средствами познания и общественной практики.

Понятие предметной реальности, появившееся в конце XX века в естествознании, фиксирует именно предметно-практический характер данности действительности в процессе ее изучения. Работы В. С. Степина, П. С. Дышлевого, Б. С. Грязнова, В. А. Лекторского, Л. А. Микешинной и др. позволили по-новому взглянуть на предметный смысл основных понятий и теорий общественно-научного познания, зачастую отождествляемых с самой социальной реальностью. Согласно новому взгляду, социальная реальность не является некоей изначально предлежащей данностью: она вычленяется как момент практически-познавательного отношения человека к миру и поэтому всегда лично, социально и культурно ограничена и изменяется вместе с изменением общественно-исторической практики. Социальная реальность объектов конкретного социально-гуманитарного знания выступает как эпистемологическое определение предметных смыслов понятий об этих объектах. Это значит, что если непосредственным предметом знания является предметная социальная реальность, то вопросы о существовании должны ставиться именно относительно нее: существовать для объекта социально-гуманитарной науки – значит быть элементом ее предметной социальной реальности. Социальная реальность на предметно-онтологическом уровне рефлексии есть «непосредственная рабочая данность» исследователя. Она зависит от норм и средств предметной работы социолога, историка, философа, правоведа и др. «Существовать» для объектов социально-гуманитарной науки – значит обладать предметно-онтологическими характеристиками социальной реальности. Поэтому проблема существования класса, роли, статуса, интерсубъективных значений, социализации, жизненного мира и т. п. разрешается в рамках определенной концептуальной схемы и экспериментальных методик, гипотез, понятий, предполагающих эти сущности (класс, статус и т. д.) в качестве элементов предметной реальности.

Данное понимание есть последовательное проведение деятельностного подхода к решению проблемы предмета науки. Поэтому социальная реальность как абстрактный объект, квазиобъект может быть истолкована «как некое образование, организованность, внутривещное построение, с которыми имеет дело ученый» [3, с. 182–186]. Она может быть познана через общую организацию предмета конкретной науки, ее категориального аппарата, методов, интерпретаций, моделей, экспериментальных методик, проблем и задач научной деятельности.

Любая научная деятельность, когда рассматривается в рамках логико-методологического подхода, отвлекаясь от судьбы знания вне науки, ставит задачу изучения принципов построения, форм и способов научного познания, опуская вопросы объективного, независимого от знания существования социальной реальности. Данные вопросы возникают и формулируются на философско-эпистемологическом уровне, имеют специфический смысл и ставятся не относительно элементов предметной реальности, а относительно социальной практики и всего знания об этой реальности.

Если с позиций логико-методологического анализа вопрос, чему в действительности соответствует тот или иной абстрактный объект науки, можно сформулировать так: какие из объектов (класс, государство, статус, ценности и т. п.) получают более или менее полную эмпирическую интерпретацию, то на философско-эпистемологическом уровне он решается выходом за рамки науки. Чтобы познать объект науки во всей его полноте, необходимо выйти за рамки абстрактно-гносеологического отношения «теория–объект» и критически отнестись к самой теоретико-познавательной рефлексии над этим знанием, т. е. охватить его в такой целостности, которая является уже не теорией и не объектом, а делом реальных людей, познающих и преобразующих мир. При этом выяснять предметно-онтологический статус знания в рамках конкретной науки с помощью сравнения его с лежащей якобы «за» ней объективно существующей реальностью невозможно, поскольку, во-первых, это прежде всего вопросы о социокультурной детерминации содержания и формы науки как специфической предметно-практической деятельности и сознания; во-вторых, функции науки в обществе – не только влиять на материальную жизнь общества непосредственно, но и задавать идеальные планы возможного будущего. С этой точки зрения в конкретно-теоретическом и логико-онтологическом плане каждая теория или концепция «отражает» свою реальность, в эпистемологическом плане они равноправны и могут с успехом применяться как различные «окна» в социальный мир или как одно и то же, но под другим углом зрения и в разных мировоззренческих и методологических контекстах. Данные образы социальной реальности – суть «версии» событий, которые должны быть поняты в соответствии с их генезисом и в рамках конкретно-научного исследования.

Таким образом, следует отметить, что проблема реальности объектов в общественном знании носит синтетический характер и решается с использованием всех уровней рефлексии: предметно-онтологического, логико-методологического и философско-эпистемологического. Объект социальной реальности можно считать существующим, если имеется возможность вписать его в общую картину социальной реальности по предметно-онтологическим характеристикам, т. е. вписать в категориальную схему; теория, предполагающая существование объекта, удовлетворяет требованиям и нормам научности; знание об объекте удовлетворяет критериям истинности – задает планы деятельности по социальному переустройству общества и жизнеустройству отдельного человека.

Существует мнение, что при изучении процессов и явлений социальной реальности в рамках определенной науки (социологии, истории, права, психологии и др.) ученого в первую очередь волнуют проблемы предметно-онтологического и логико-методологического плана. Философский уровень рефлексии осознанно включается в мыслительные процессы лишь в особые «критические» моменты. До этого они имплицитно входят в арсенал деятельности ученого в качестве неявного знания и влияют на творческий процесс через мировоззрение ученого, стиль познания, картину социальной реальности в целом. Соответственно, смена картин мира и научно-исследовательской парадигмы «поднимает» вопрос об истинности теоретического знания на философский уровень. В рамках привычной и общепринятой парадигмы вопросы о реальности существования того, чему соответствуют понятия теории, не обсуждаются. Появление новых парадигм или факт существования нескольких альтернативных теорий об одном и том же социальном явлении создает ситуацию переосмысления философских оснований научного исследования, заставляет задуматься о проблеме рациональности знания и его истинности.

В таком случае вопрос, какое из представлений о социальной реальности социально-гуманитарных наук (например, феноменологическая теория жизненного мира или натуралистическая) истинно, снимается, так как строились они на совершенно разных парадигмальных и ценностных установках. Вопрос ставится иначе: являются ли они научными и рациональными и возможно ли каким-то образом совмещать эти альтернативные модели социальной реальности? Если да, то каким образом?

Если рассматривать теорию как основную методологическую единицу развития знания, то ее структура такова, что именно на базисном (положения, почерпнутые из других наук), фактологическом (использование наряду с зависимыми от теории фактов относительно независимых, полученных до нее), конструкционном (способы соединения элементов теории в логически непротиворечивую систему) и нормативном уровнях (принципы, запреты, аксиомы и условия по-

строения теории, заимствованные из философии, идеологии, других теорий и т. п.) осуществляются преемственность и связь теорий, позволяющие соизмерить их, вплоть до альтернативных. К тому же следует также отметить, что ученый обществовед в своих работах пользуется тем же обычным языком, что и любой человек; его научные объяснения согласуются изначально с обычными представлениями о социальном мире; в повседневных терминах обществовед ставит вопросы и отвечает на них. Поэтому, на наш взгляд, соизмеримость различных картин социальной реальности происходит посредством переключения и совмещения различных образов миров не только в периоды смены стилей мышления, парадигм и мировоззрения в целом, но и в периоды «нормального» развития науки, что является имплицитным для научной работы.

Таким образом, необходимо различать, во-первых, плюрализм теорий и методологий в рамках одной картины мира и парадигмы исследований в науке, обусловленный особенностью предмета изучения, где социальная реальность (историческая, социологическая, психологическая и др.) является предметной, связанной с категориальной схемой конкретного исследования; и, во-вторых, плюрализм фундаментальных теоретических схем, картин мира социальной реальности и парадигм, детерминированный конкретно-историческими способами жизнедеятельности, типами рациональности и ценностных систем, доминирующих в науке. В соответствии с ним теории и парадигмы могут быть альтернативными, но соизмеримыми, основой чего является, с одной стороны, рациональность способов жизнедеятельности людей в мире в целом, с другой – разнообразие культурно-ценностных и мировоззренческих установок исследователей.

Введение в обоснование термина «рациональное» свидетельствует о том, что в науке наряду с гносеологическими критериями действуют ценностные, связанные со смысловыми аспектами человеческого бытия. Как отмечает американский ученый В. Шиделер, «последовательная концепция реального мира требует соответствующего концептуального места для нас в нем. Эта концепция должна быть рефлексивной, обоюдной, чтобы обеспечить какое-то концептуальное место в картине для нас, которые создают эту картину. Если это не так, то возникает аномальная концепция мира, в котором человек, представляющий себе картину мира, является всего лишь каким-то случайным и производным явлением» [4, с. 246]. Что нужно, чтобы такая концепция срабатывала? По мнению ученого, необходимо, чтобы это была концепция, имплицитно включающая человеческий и исторический смысл и значение.

Когда обществовед или гуманитарий изучает тот или иной фрагмент социальной реальности, то, будучи соучастником событий (мысленно или реально), он не может оставаться на позиции стороннего наблюдателя. «При переходе от позиции наблюдателя к действию ученого, – отмечает В. Шиделер, – происходит нечто большее, чем сдвиг точки зрения и изменение перспективы, подобно тому, как фотограф на несколько футов отклоняется в сторону, чтобы найти лучший угол зрения. Мы становимся не только частью рассказа, мы становимся ответственными за него» [4, с. 250]. Дело в том, что внутренняя ценность, значение, смысл и правдивость не даны в природе вещей в такой степени, чтобы их можно было познавать путем простого наблюдения. О том, что представления о социальной реальности связаны не только с сугубо теоретическими проблемами, но и с практическими, идеологическими и ценностными, свидетельствует тот факт, что понятие социальной реальности, используемое в общественном сознании, является не просто идеализированным, внутритеоретическим объектом, квазиобъектом. Посредством социальных коммуникаций и пропаганды различные типы мифологического и идеологического знания, внедряясь в сознание масс, приобретают прочность предрассудка, предопределяя тренды социального поведения и социальных преобразований, о чем неоднократно напоминают «зигзаги» нашей истории. Так, распространение в общественном сознании и идеологии в начале 1990-х гг. мифа о рациональной руке рынка, которая сама отрегулирует экономическое и социальное устройство на постсоветских просторах, привело к краху довольно крепкой на то время экономики, закрытию предприятий, расцвету коррупции и откровенному бандитизму.

К чему привела данная позиция, основанная на либерально-рыночной картине социальной реальности, в других сферах до сих пор ощущается довольно остро. В этом плане понимание относительности наших знаний, необходимости рефлексии над ними, выход к более широким мировоззренческим и практическим горизонтам при осмыслении социальной реальности долж-

ны стать основными принципами исследовательской деятельности ученых. Видение социального мира как изменяющейся социальной реальности в целостном единстве и многообразии раскрывает широкие возможности для использования различных и даже альтернативных парадигм и представлений об общественных процессах. Отказ от этого в прошлом в отечественных социально-гуманитарных науках был связан с методологическими упущениями, заключающимися в онтологизации знания в ущерб познавательным аспектам. Сегодня принцип плюрализма в методологии науки стал стилем научного мышления, избавляющим ученых от опасностей возврата к методологическому догматическому консерватизму. Однако не всегда и не во всех науках.

Если в естественных науках данное требование стало нормой, то в социально-гуманитарных – догматический методологический консерватизм продолжает встречаться довольно часто. Причина такого явления заключается в политической и идеологической ангажированности общественников и гуманитариев, принуждаемых к этому корпоративным и политическим сознанием научного сообщества, состоянием зрелости духовной жизни в обществе, неразвитостью научных и социальных связей ученых. Зарубежные общественники в силу отсутствия жесткой идеологической и политической приоритетности той или иной теории в определенной степени позволяют себе теоретический и методологический плюрализм, что совсем не означает, что они абсолютно свободны в своих изысканиях. Тем не менее наличие различных теорий и картин мира объективно открывает широкий спектр возможностей познания многообразного и сложного, противоречивого и изменчивого социального мира и тем самым расшатывает основы методологического консерватизма в общественной науке.

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы.

1. В понятии «социальная реальность» заключаются три смысловых аспекта: 1) объективно существующий социальный мир; 2) социальная реальность как часть, срез объективно существующего мира, данный субъекту в практике и познании; 3) образ, картина социальной реальности как модель, являющаяся результатом (и, в свою очередь, средством) познания социальных процессов и явлений.

2. Эпистемологический подход к изучению процессов и явлений социальной реальности позволяет, с одной стороны, снизить уровень абстрактности гносеологического субъекта, с другой – усилить значимость познающего конкретно-исторического субъекта исследования, оснащенного специфическими для каждой эпохи теоретическим и методологическим арсеналом, социальным опытом и культурно-ценностными установками.

3. Плюрализм как теоретико-методологический принцип научного исследования является характерной чертой и нормой научного познания окружающего мира.

4. Объективной основой плюрализма как нормы научного познания являются многообразие и разноуровневость социальных процессов и явлений, а также социально-мировоззренческая обусловленность исследовательской деятельности.

5. Теоретический плюрализм обусловлен, с одной стороны, предметной реальностью как предметом исследования, с другой – формами, методами, условиями познания и способами мировосприятия, формирующими картину мира в каждой конкретной науке.

6. Плюрализм представлений о социальной реальности на уровне парадигмы и картины мира основан на различных способах человеческой деятельности, типах познавательных субъектов и научной рациональности в рамках конкретной культуры.

7. Теоретический и методологический плюрализм, допуская многообразие различных и даже альтернативных теорий в социогуманитарных науках, описывая в предлагаемых теориях проекты возможного будущего, стимулирует развитие науки, обеспечивает кумулятивность и прогресс науки.

Список использованных источников

1. Смирнова, Р. А. Природа социальной реальности: бытие и познание / Р. А. Смирнова. – Минск : Навука и тэхніка, 1991. – 168 с.
2. Достоинство знания как проблема современной эпистемологии. Материалы круглого стола / Б. И. Пружинин [и др.] // Вопр. философии. – 2016. – № 8. – С. 20–56.

3. Дышлевый, П. С. Материалистическая философия и развитие естествознания / П. С. Дышлевый, Ф. М. Канак. – Київ : Вища шк., 1977. – 231 с.

4. Shideler, E. W. The place of faith in a world of fact / E. W. Shideler // *Zygon*. – 1985. – Vol. 20, № 3. – P. 243–263. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9744.1985.tb00595.x>

References

1. Smirnova R. A. *The nature of social reality: being and cognition*. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1991. 168 p. (in Russian).

2. Pruzhinin B. I., Avtonomova N. S., Bazhanov V. A., Grifitsova I. N., Kasavin I. T., Knyazev V. N., Lektorskii V.A., Makhlin V. L., Mikeshina L. A., Ol'khov P. A., Porus V. N., Sorina G. V., Filatov V. P., Shehedrina T. G. The self-integrity of knowledge as a problem of modern epistemology. Materials of "Round Table". *Voprosy filosofii* [Philosophy Issues], 2016, no. 8, pp. 20–56 (in Russian).

3. Dyshlevyj P. S., Kanak F. M. *Materialistic philosophy and the development of natural science*. Kiev, Vysshaya shkola Publ., 1977. 231 p. (in Russian).

4. Shideler E. W. The place of faith in a world of fact. *Zygon*, 1985, vol. 20, no. 3, pp. 243–263. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9744.1985.tb00595.x>

Информация об авторе

Смирнова Розалия Андреевна – доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник. Институт экономики, Национальная академия наук Беларуси (Сурганова 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: smirnovasoc@yandex.ru

Information about the author

Rozaliya A. Smirnova – D. Sc. (Philos.), Associate Professor, Chief Scientific Researcher. Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: smirnovasoc@yandex.ru